

- тики, философии, искусства – М, 1985
- 21 Геньер Л Основы структурного синтаксиса – М, 1988
- 22 Храковский В С Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании // ВЯ – 1983 – № 3 – С 110–117

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ФОРМИРОВАНИИ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ОЦЕНКИ

И.В. Чекулай
Белгород

Как известно, время и пространство являются универсальными формами бытия, находящимися вне зависимости от субъекта познания. Тем самым они стоят в ином иерархическом порядке не только над субъектом ценностного и оценочного отношений и оценки, но и над объектами, представленными в мышлении концептами. Однако тот факт, что они довлеют над всем сущим, не может не определять их прямого влияния на особенности формирования и функционирования единиц языка и речи независимо от их мыслительно-категориального статуса. Этим и обусловлена их роль в формировании особенностей ценностной и оценочной категоризации.

На первый взгляд, сдвиг от реальности в сугубо релятивную сферу должен был бы затушевывать роль времени и пространства как факторов бытия. На самом деле субъект пропозиционального отношения является именно той силой, которая обостряет когнитивные характеристики онтологических категорий. Субъект всегда является либо социумом, либо частью социума, и существует в хронотопическом конгломерате. Даже если объекты имеют внешние характеристики, не привязываемые к определенному времени и пространству (например, *облако, ребенок, дерево*), то изначальные определители таких концептов остаются если не в ядре, то, по крайней мере, на периферии осознания их в качестве концептов. Например, *облако* представляется как непостоянная и нестабильная в координатном плане сущность. *Ребенок* понимается как определенный этап в жизни концепта *человек*, а *дерево* – как нечто, имеющее определенный срок своего существования.

Но в данном случае речь шла о концептах общечеловеческого плана. Если взять, например, артефакты, то они осмысливаются как еще более тесно связанные с онтологическими параметрами бытия. Мы не берем экстремальные случаи типа шубы в Экваториальной Африке или кондиционера в условиях Крайнего Севера, когда несуразность предметов в данных пространствах координирования очевидна. Но даже если взять концепт какого-нибудь обыденного артефакта (например, *ложка*), то для разных координатных точек в пределах мирового социума он будет иметь свои особые характеристики (например, европейская металлическая, традиционная русская деревянная, традиционная китайская фаянсовая). Тем самым концепты в ценностном отношении погружаются в особую временную и пространственную

координатную сетку культуры. Следовательно, в ценностном отношении такие концепты получают свою культурную специфику бытия. Этим обусловлены и особенности прототипов денотативных концептуальных доменов. Например, прототип концепта *автомобиль* имеет разные параметры для разных культур. В культуре восточноевропейских стран это автомобиль среднего класса типа «Лады», для североамериканской культуры это комфортабельные гиганты типа «Доджа» и «Форда», для японского социума это экономичная малолитражка. Субъект познавательного отношения в этом случае несколько конкретизируется применительно к координатной сетке культуры, в принципе оставаясь абстрагированным, и в то же время является основной движущей силой такого познавательного отношения.

На этом уровне категоризации концепты отождествляются с культурными ценностями. Очень детально и подробно проблема культурных концептов как познавательных констант в пределах русскоязычного социума получила отражение в фундаментальном труде Ю.С. Степанова (Степанов 2001).

То, что в обыденном сознании оценка ассоциируется с когнитивным оценочным отношением, можно показать на следующем примере. На вопрос «Как ты оцениваешь данную ситуацию?» возможен ответ: «У меня сложилось определенное мнение, но я не знаю, как это выразить». Иными словами, слово *оценка* в русском языке многозначно с этих позиций; с одной стороны, это определенное мнение (оценочное отношение), а с другой стороны, это экспликация данного мнения лингвистическими или паралингвистическими средствами (оценка).

Роль времени как неотъемлемого фактора формирования знания была бы освещена неполно без его понимания как когнитивной среды общего процесса формирования знаний. Для этого следует обратиться к понятиям онтогенеза и филогенеза языкового развития. Следует сразу же оговориться, что данное освещение не претендует на исключительную полноту, поскольку оно выполняет лишь прикладную функцию передачи динамики закрепления и употребления в коммуникации ценностей и оценок.

Понимая онтогенез и филогенез человеческого когнитивно-языкового опыта как взаимосвязанные явления, в качестве исходной точки мы берем индивида вне зависимости от степени его знакомства с миром реальности и его умения формировать квалификативные суждения. Предположим, отдельный индивид сталкивается с чем-то, с чем он до сих пор не сталкивался. Можно смело утверждать, что его первичным инстинктом будет не желание отнести данный объект к одной из семантических категорий, а желание «примерить» этот объект для себя, для актуального или перспективного использования, или потенциала использования (или в случае отрицательного опыта первого знакомства, неиспользования) предмета при возможном повторном отношении к нему. В результате субъект *оценивает* предмет. Тем самым, прежде чем отнести объект к категории, субъект формирует ценностное отношение к данному объекту и формирует это отношение в своем когнитивном опыте в виде ценности или антиценности. После этого данная цен-

ность или антиценность закрепляется в сознании как концепт, как компонент денотативной категории. Таким образом, в филогенезе вектор познания сущности предмета и его места во времени и пространстве направлен от уровня личного опыта (в аксиологической парадигме категоризации это уровень оценочного отношения) к уровню отнесения места объекта в объективистской парадигме мышления (уровень ценности).

Дальнейшее использование концепта субъектом для удовлетворения личных потребностей происходит уже в онтогенетическом разрезе. Субъект сообразует свое представление об онтологических и аксиологических свойствах субъекта уже с опытом понимания и использования концепта этого предмета социумом. При повторном предъявлении объекта субъекту последний формирует свое мнение об объекте (оценка в мышлении в обыденном сознании и, соответственно, уровень оценочного отношения в когнитивно-аксиологическом научном понимании), проводя его через призму ценностного отношения социума и себя как части этого социума. Тем самым в обыденном мышлении субъект соотносит данный объект как реально существующий в текущей ситуации с его внеситуативной ценностью. Таким образом, в аксиологически ориентированном онтогенезе познания вектор понимания объекта направлен «сверху вниз», от понимания концепта как общечеловеческой денотативной ценности до его квалификации в оценочном отношении.

Филогенетическая стадия личного опыта является обязательным предварительным этапом концептуализации объекта. Как утверждает К.Лоренц, «всякий раз, когда нам удастся соотнести какой-нибудь элемент нашего опыта с «субъективным» фактором, а затем исключить его из формируемого нами образа экстрасубъективной реальности, мы оказываемся на шаг ближе к тому, что бытийствует независимо от нашего познания... Мир объектов, материальный мир нашего опыта обретает адекватную форму только после элиминации всего субъективного и случайного» (Лоренц 2000: 44).

С временной точки зрения филогенез и онтогенез, как известно, представляют собой проекции индивидуального и общечеловеческого времени. Но, кроме этого качественного категориального деления, необходимо учитывать еще и их количественно противоположные временные характеристики. Филогенетическое познание объекта длится в течение гораздо меньшего срока, нежели когнитивная обработка информации о нем, полученной из непосредственно чувственного опыта. В ходе онтогенетического познания вырабатывается своего рода «привычное» понимание объекта в виде концепта, что невозможно в ходе филогенетического ознакомления с этим объектом.

Завершая анализ роли категорий времени и пространства, следует сказать и об их собственно метаоценочной функции. Осознание их в таком категориальном статусе неизбежно ведет к тому, что они объективно присутствуют в имплицитном и эксплицитном виде в предикативном ядре языковых оценочных высказываний. Экспликация времени и места находит отражение в высказываниях типа «Сейчас не время/не место для ...», «Нашел время/место!» и им подобных.

Следует отметить, что собственно концепт ВРЕМЯ как ценностное отражение объективной формы бытия в языковых и речевых оценочных струк-

турах встречается достаточно редко. Тем не менее, его употребление для выражения оценочного отношения к фактам и явлениям действительности и сознания без модификации аксиологически маркированными прилагательными или другими маркерами, которые указывали бы на наличие оценки в данной синтаксической структуре, показывает, что данный концепт в таких структурах служит для выражения времени как ценности, приспособленной к данным ситуативным условиям. Они не нуждаются в маркировании, поскольку ценность, в отличие от оценки, выражает постоянно положительное качество, в то время как оценка, являясь формой отражения ценностного отношения в сознании и в языке, может носить и положительный, и отрицательный оценочный знак (Анисимов 2001: 67). Так, когда мы говорим *Пришло время ...*, мы имеем в виду подходящий, необходимый, удобный момент для совершения какого-то действия.

Следует отметить, что и в русском, и в английском языках ценностное осмысление концепта ВРЕМЯ в языковой пропозициональной структуре может задаваться как глаголами бытия, так и метафоризованным вводом глаголов движения или изменения типа *настать, прийти, появляться* и т.п. Однако в английском языке более частотной является безличная конструкция с глаголом *to be*, который функционирует как связка при предикате *time*. Употребление такой конструкции без аксиологических языковых маркеров типа *just, proper, good* и прочих передает объективированную оценку, лишенную (или претендующую на отсутствие) каких-либо индивидуальных коннотаций. Особенно часто эта конструкция употребляется при необходимости подчеркнуть объективность своевременности определенного действия, как в следующем примере:

Then, over coffee, she said, abruptly, 'Michael, I think it's *time* to get a divorce. I can't go on hanging in limbo like this for ever' (Shaw. TH 1988: 104).

Чаще всего данный концепт употребляется для выражения оценочного отношения, в котором время может обладать полярными оценочными знаками. Это могут быть как оценочные прилагательные и наречия, так и другие, в первую очередь, дейктические средства языка.

Прилагательные и наречия показывают конкретные временные характеристики, которые связаны непосредственно с ситуацией. Тем самым ВРЕМЯ переходит из разряда общечеловеческих ценностей в ценность индивидуальную, соответствующую или не соответствующую интересам субъекта оценки, а также свойственную конкретному виду деятельности, которая с точки зрения субъекта оценки является важной на определенном участке его жизнедеятельности, о своевременности такого действия именно в момент оценочного суждения:

“До великого моменту

Будь готовий кожний з нас, -

Кожний може стать Богданом,

Як настане *слухний час*” (Франко 2003: 113).

“You need to hurry home, Sandy. We'll have *plenty of time to talk later*” (Grisham: Part 1997: 108).

Before he could transmit, the voice of Keith Bakersfeld announced, "Trans America Two, turn right on heading two eight five. Runway three zero is open."

"Jesus Christ!" Demerest said. "And *about time!*" (Hailey 1981: 179).

Несмотря на то, что местоимения выполняют только функцию замещения, модификация концепта такими единицами передает дополнительные оттенки оценочного значения, обусловленные принципами оценочной категоризации. Так, очень часто ВРЕМЯ, которое субъект оценки рассматривает как «свое», подчеркивает ценностный контраст между данным состоянием дел и тем положением дел, которое актуально подвергается оценке:

Za jeho času že nebylo tak důstojnictvo rozpustilé, aby rušilo klid domácnosti (Hašek 1998: 318).

Относительные местоимения «другой», «иной» маркируют ситуацию, более приемлемую или, наоборот, неприемлемую для выполнения данных действий:

– Ты, конечно, думаешь: вот, мол, старый хрыч, ничего не понимает. А я понимаю. Будь это в *другое время* – на здоровье. А тут... даже перед крестьянством как-то неловко, понимаешь? Не успели приехать – бах-татарах, свадьба! (Шукшин 1988: 69)

В отличие от концепта ВРЕМЯ, концепт ПРОСТРАНСТВО в оценочном речевом употреблении чаще выражается через свою особую концептуальную разновидность, а именно, через концепт МЕСТО. Данный концепт уже отличается от концептов объективных форм бытия своей привязанностью не только к ситуации, но и к субъекту, и объекту оценочного отношения. Действительно, МЕСТО в оценочных структурах мышления и языка существует обязательно *для кого-то* или *для чего-то*. Это выражается в необходимости обязательно маркировать лексемы, передающие данный концепт, соответствующими актантами. При этом, как правило, оценочная характеристика МЕСТА нуждается в аргументациями причинно-следственными связями, обуславливающими именно такую формулировку оценочного суждения:

[...] Подумав, предложил: – Может, ты ко мне перейдешь? Дело для тебя найдется.

– Не надо бы .. В пехоте *место мое*, не привык по штабам. И люди опять же языки чесать начнут (Успенский 1962: 490).

'I don't plan to stand there long. Anyway, this is *no place for me*. The people here look at me as though I'm an animal in the zoo' (Shaw. RMPM 1985: 590).

Следует отметить, что исследование ценностных характеристик пространственных концептов в настоящее время получает достаточно широкое освещение в исследованиях по языковой семантике. В этом плане достаточно интересным, на наш взгляд, является исследование Е.В. Пупыниной по семантике пространства в английском языке. Несмотря на то, что в нем факральным является не собственно оценочная характеристика пространственных концептов, а концепта ПРОСТРАНСТВО как такового, в данном исследовании отмечается, что оценочно-телеологический компонент формирования таких концептов является существенно важным наряду с формальным, конститутивным и агентивным компонентами (Пупынина 2004).

Естественно, данные примеры не раскрывают всей полноты значения онтологических категорий времени и пространства в формировании аксиологических оценочных категорий и тем самым в формировании аксиологической стороны языковой картины мира. Однако настоящее исследование, как представляется, показывает роль концептов онтологических форм бытия как неотъемлемых факторов формирования оценочных высказываний, их филогенетического развития, закрепления в сознании и в языковом узусе как онтогенетических ценностных отношений с последующим использованием их в сознании и речи для решения как непосредственных задач ситуативной коммуникации, так и, по большому счету, для определения ценности индивидуального и социального бытия.

Литература

- 1 Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию. Учеб. пособие для изучающих философию – М., 2001
- 2 Лоренц К. По ту сторону зеркала. Исследование естественной истории человеческого познания // Эволюция. Язык. Познание – М., 2000 – С. 42–69
- 3 Пупынина Е. В. Механизм формирования концепта «пространство» синонимичными существительными абстрактной семантики. Автореф. дис. канд. филол. наук – Белгород, 2004
- 4 Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2001

Иллюстративная литература

- 1 Grisham J. The Partner – Reading Arrow Books, 1997
- 2 Hailey A. Airport – М., 1981
- 3 Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války – Praha, 1998
- 4 Shaw I. (RMPM) Rich Man, Poor Man – L., 1985
- 5 Shaw I. (TH) The Top of the Hill – L., 1988
- 6 Успенский В. Д. Неизвестные солдаты. Роман – М., 1962
- 7 Франко І. Вибрані твори – Харків, 2003
- 8 Шукшин В. М. Любавинь. – М., 1988

КОНЦЕПТЫ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЫСШИХ ЦЕННОСТЕЙ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

И.В. Чекулай
О.Н. Прохорова
Белгород

Любой философский подход к определению категорий ценности прямо или косвенно затрагивает такой, несомненно, важнейший аспект определения человека как категории бытия, как жизнь. Даже тогда, когда рассмотрению подвергается объективная сторона бытия, когда материальный мир рассматривается как отдельный от человека и не зависящий от него, в основе лежит фоновый контекст жизни определенного индивида и общества.

Следует сказать, что именно по этой причине происходит постоянная подмена общечеловеческой ценности ЖИЗНЬ индивидуально и корпоратив-